

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертационной работе Хэ Тинтин на тему «Образ Китая в поэзии русской дальневосточной эмиграции (1920–1940-е годы)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертацию Хэ Тинтин следует рассматривать в контексте научных исследований, продолжающих осваивать литературно-художественное наследие дальневосточной эмиграции, создавшей уникальный поэтический феномен своего вынужденного вхождения в китайскую цивилизацию и культуру.

Во Введении автор справедливо указывает на значительное и все более увеличивающееся число литературоведческих исследований, обращенных к изучению «русского поэтического Китая», расширяющих его масштаб и богатейшую эстетическую палитру. Научные усилия, предпринимаемые российскими и, в последние десятилетия, китайскими учеными, указывают на две важные культурные тенденции: во-первых, открытие новых нитей, связывающих историческое бытие двух соседних, но различных цивилизаций, и, во-вторых, – практическое подтверждение методов восприятия инокультурного материала, которые были констатированы русскими мыслителями конца XIX – начала XX века. Речь идет об особом психологическом свойстве воспринимающей стороны, о констатированной Ф.М.Достоевским «всемирной отзывчивости» русской литературы, ее способности воспринимать глубину другой культуры интуитивно-чувственным путем.

Как представляется, именно эта особенность находится в поле зрения соискателя, когда он, исследуя подходы русских эмигрантов к поэтическому освоению китайской действительности, обращает внимание на их стремление максимально сблизиться с китайской культурой, «врасти» в жизнь, быт, верования, обряды китайцев, чтобы, по его словам, «отразить глубинные

ценности восточного мировоззрения». Хэ Тинтин развивает мысль о синтезе русской и китайской поэтических традиций, который объясняется не только вынужденной адаптацией русской поэзии в инокультурных реалиях, но и ее душевной восприимчивостью к новым влияниям, органической потребностью к освоению новых впечатлений и ценностей. Давняя мысль А.Н.Веселовского о «встречном течении» русской культуры находит подтверждение в аналитическом опыте китайского исследователя, который указывает на интуитивную тягу русских поэтов к незнакомой и загадочной экзотике китайского мира.

Актуальность работы представляется обоснованной, поскольку, во-первых, в ней преемственно и современно отражаются евразийские чаяния и мотивы, получившие развитие в поэтической практике дальневосточной эмиграции, и, во-вторых, тем, что изучение этой практики происходит в особый геополитический и исторический период формирования российской государственности, устремленной к экономическому и культурному партнерству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Цель диссертации, задачи и внушительный корпус исследуемых произведений, которые представляет Хэ Тинтин, свидетельствуют о ее смелом намерении дать широкую и обобщенную картину поэтического отражения китайского природного, культурного и социального бытия, раскрыть эту картину в фокусах предметной образности и дополнить ее творческими новациями неизученных поэтов-эмигрантов. Если концептуально взглянуть на ту работу, которую проделали в этом направлении предшественники соискателя, то его замысел представляется вполне закономерным и ожидаемым. Хэ Тинтин, следуя этим курсом, охватывает новые пространства темы и стремится представить образ Китая в многоуровневой целостности. Поэтому при всем многообразии предшествующего опыта, ее диссертацию можно рассматривать как важный и новый шаг в изучении устремлений русской литературы к познанию культурного бытия (китайская музыка, урбанистический ландшафт,

архитектура, традиционные праздники и обычаи и т.д.)) и национального характера великого дальневосточного соседа.

В первой главе работы исследуется образ «маленького человека» в Китае, каким его воссоздала русская поэзия. Соискатель свидетельствует о разработке этого образа в китайской литературе, о подходах и принципах его изображения, начиная с правления династии Цинь вплоть до настоящего времени. Очевидно, что русские поэты обращаются к теме, уже освоенной китайской литературой. Проводя сопоставления, автор работы делает интересные наблюдения над трактовками темы, над мотивным сходством в изображении крестьянских тружеников. В связи с этим возникает вопрос: был ли в китайской литературе какой-либо аналог понятию «маленький человек»? Если да, то какими характеристиками наделяла его китайская литературная критика?

Соискатель совершенно прав, когда пишет, что «образ китайского «маленького» человека во многом вписывается в традицию русской литературы». В приведенных им примерах из стихов А.И.Несмелова явно угадывается влияние поэзии А.Н.Некрасова, мотива извечной крестьянской лямки, который сочувственно угадывается в согбенной фигуре китайского пахаря. Замечательно то, что А.И.Несмелов изображает своего крестьянина-китайца страдающей личностью, чем усиливает трагизм его человеческой судьбы. Не менее глубоким и впечатляющим у Хэ Тинтин предстает и несмеловский образ обезглавленного разбойника-хунхуза, в котором, по ее мнению, отразились жестокие противоречия общественной жизни Китая в XX веке и участь человека, ставшего жертвой социального хаоса.

Композиционно удачным решением представляется второй параграф, в котором анализу трагических фигур земледельца и разбойника противопоставлен разбор чуткого и проникновенного «образа китайской женщины», созданного К.В.Батуриным и Н.Светловым. Выбор авторов и стихов является несомненным достоинством соискателя, обладающего хорошим эстетическим вкусом. Хэ Тинтин не ошибается, когда находит

влияние символизма и акмеизма на творчество исследуемых поэтов. Возможно, и мы не ошибемся, если добавим сюда С.А.Есенина. Автору удалось показать и чарующую «загадочность», и «прекрасную ясность», и нежность «Персидских мотивов», с которыми К.В.Батулин и Н.Светлов живописали своих героинь. Но главное, как представляется, в том, что в образах китайских женщин автор работы сумела увидеть светлые национально-поэтические лики самих поэтов, способность лирических героев возвысить своих возлюбленных до кристальной чистоты и целомудренным чувством добиться эстетического единства с душами женщин другого этноса и культуры.

Аналогичное свойство проявлять душевное благородство в освоении и изображении китайской действительности Хэ Тинтин выявила в природной и городской лирике поэтов-эмигрантов. «Природа Китая, – пишет она, – во многом напоминала поэтам-эмигрантам начала XX века природу России, заставляла вспомнить о стране, которую они оставили. <...> В произведениях, воспевающих природу Китая, чувствуется особенный душевный отклик» (с.49). Особенность «душевного отклика» соискатель справедливо видит в ностальгических нотах и мотивах, когда китайский пейзаж отзывается в душе героев тоской по потерянной родине. В то же время, Хэ Тинтин удалось показать творческий масштаб личностей исследуемых поэтов и, судя по приведенным стихам А.И.Несмелова и В.Ю.Янковской, тот значительный вклад, который они внесли в русскую поэтическую онтологию Дальнего Востока.

Способность воспринимать «не умом, а сердцем» и чувствовать чужую жизнь как свою автор работы находит в поэтических пейзажах Харбина, Шанхая и Пекина, где русские эмигранты в скитаниях находили себе временный приют. Автор работы указывает на сложность и противоречивость городских стихов. Она подмечает, как органика в изображении природы Китая сменяется все более частыми переживаниями о драматичности жизни, о людях, самих себе, тревожном будущем. Хэ Тинтин

констатирует, что «в «городских» стихах постоянно ощущается тревога, беспокойство, горечь», что «городской пейзаж помогает лучше высветить авторскую индивидуальность каждого из авторов». «Родной», но утраченный при японской оккупации Харбин, индустриальный «зверь»-Шанхай («ни имени, ни лика, ни числа»), воспринимаемый в русской литературной традиции как символ поглощающего людей промышленного Левиафана («Молох» А.И.Куприна, «Челкаш» А.М.Горького), «великий», вобравший в себя «память столетий», Пекин, – это, во-первых, удачно показанная, яркая поэтическая палитра городских впечатлений поэтов, и во-вторых, – фактическая история их драматических скитаний, вынужденной бездомности, трагедии «русского рассеяния», в своем последнем желании, устремленного «к любимым берегам» (В.Ю.Яновская).

Особый интерес вызывает раскрытая в третьей главе рецепция китайской музыки, которая, как выяснила Хэ Тинтин, устойчиво присутствует в поэзии «дальневосточников». Гонг, флейта, барабан, хуцинь, лютянь, окарина, труба, цитра «часто становятся в поэтических текстах эмигрантов особенно значимыми образами», передающими культуру Китая в национальных ритмах и звуках. «Звучание» Китая в русской поэзии можно признать исследовательской находкой соискателя, имеющей, на наш взгляд, перспективу в качестве самостоятельной темы. Не менее ценным является умение Хэ Тинтин находить в образах звучащих музыкальных инструментов дополнительный ассоциативно-смысловой ряд, раскрывать в них символическую образность. В звучании китайского гонга у А.И.Несмелова и Н.А.Щеголева слышится неумолимый зов исторической памяти, символического логоса китайской нации, который текущую повседневность бескрайнего Китая превращает в строгую духовную вертикаль и становится ее стержнем. С этой точки зрения, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает стихотворение Н.Щеголева «Гонг», в котором звучащий инструмент превращается в голос истины и ассоциируется с гением

П.И.Чайковского, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, А.А.Блока. Жаль, что этот текст не получил более развернутого анализа.

В заключение адресуем соискателю несколько вопросов:

1. Почему в диссертации рассматривается поэтическое отражение философии даосизма и отсутствуют конфуцианство и буддизм?
2. Почему в первой главе диссертации образы китайцев представлены только образами «маленького» человека и китайской женщины?
3. Вы упоминаете в диссертации о традиции китайской эстетики. Не могли бы вы сформулировать, в чем именно проявляется традиция китайской эстетики изображения у русских поэтов-эмигрантов?
4. Что нового вы внесли в анализ известного стихотворения В.Ф.Перелешина «Картина» по сравнению с интерпретациями О. Бузуева и Е. Жарикова?

Указанные вопросы и замечания не снижают общего благоприятного впечатления от диссертации, которая отличается ясностью языка, четкой и последовательной логикой исследования, широким охватом литературно-художественного материала, научной проницательностью и композиционной стройностью. Положения, выносимые на защиту, дают достаточно полное представление о содержании исследования.

В целом диссертация Хэ Тинтин «Образ Китая в поэзии русской дальневосточной эмиграции (1920-1940-годы)» является самостоятельным, завершенным научным трудом, имеющим научно-практическое значение. Опубликованные по теме диссертации статьи достаточно полно отражают основные положения и материалы исследования.

Содержание диссертации полностью соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), а также критериям, определенным пп. 9–11 и 13–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 24.09.2013 г., в редакции от 28.08.2017 г., предъявляемым

к кандидатским диссертациям, и её автор, Хе Тинтин, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Доктор филологических наук,
профессор, доцент кафедры
русской литературы XX-XXI веков
Института филологии МПГУ.....

12.09.2024

Дефье О.В.

Контактные данные:

Тел.: +7 916 588 53 78; e-mail: defye56@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр.1.

ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет»,
Институт филологии, кафедра русской литературы XX-XXI веков.

Тел.: +7916 588 53 78; e-mail: defye56@mail.ru

Подпись: *О.В. Дефье*
ДОСТОВЕРЯЮ
А.Б. Никитина
Управление делами
А.Б. Никитина